

Азербайджанский государственный
Университет им. С. М. Кирова

Проф. Яблонко Б. Н.

148

610

И. Ф. АНИЕНСКИЙ
(к тридцатилетию со дня смерти)

Издание Наркомпроса Азербайджанской ССР
БАКУ—1940

Редактор проф. Багрий
Техред. и отв. за выпуск Гулиев С.

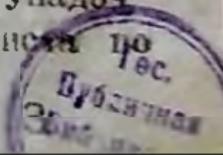
Проф. Б. П. Яблонко

И. Ф. АННЕНСКИЙ

(1856—1909)

(К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ).

30-го ноября 1939 года исполнилось тридцать лет со дня смерти Иннокентия Федоровича Анненского. В истории русской общественности это имя заняло небольшое, но довольно прочное место и, по странной пропинке судьбы, как раз в той области, в которой деятельность Анненского была случайна, мало значительна и мало интересна. Русский читатель, преимущественно интеллигент, помнит Анненского, как изысканного поэта своей «больной души», «спевца своей печали», а русская критика — как глубоко антиобщественного индивидуалиста, упадочника по настроениям, импрессиониста про

стали в расшифрованном понимании по
своему «мироощущению», словом, понима-
только как логика вырождения.

Но Аиненский был не только поэт: ого
оригинальное творчество (в области лирики
и отчасти драмы) было лишь эпизодом в ого
многосторонней писательской деятельности.
И если ого поэтические опыты, появившиеся
в печати всего за 6 лет до его смерти, при-
ковали к себе на время общественное вни-
мание, то причина этого лежала в созвучии
мотивов ого большой лирики унаследованным
умонастроениям дореволюционной интели-
гентии. Настоящая же ого деятельность
большого общественного значения сложилась
из блестящих критических исследований
речной литературы, талантливейших переве-
дов иностранных поэтов, научных рецензий
и педагогических статей. В каждый из этих
видов литературной работы Аиненский внес
много значительного и ценного, и написан-
ные им в огромной своей части заслужи-
вают того, чтобы на них остановить вни-
мание. Но я в настоящей заметке по ставлю
себе задачи подвергнуть критической оцен-
ке ого многочисленные статьи по различ-

дым вопросам. Я хочу только напомнить лишь о некоторых его работах: я имею в виду его статьи о греческом театре и ого перевод Эвринида.

1.

Основной чертой творящей личности Ашепского явилось его неизбывное тяготение к древнему миру. Неуклонный интерес к греческому искусству вообще, и к греческой поэзии в частности, наложил нонизгладимый отпечаток на все его литературные труды и определил главное направление его научной деятельности.

По своему образованию и по роду научных занятий Ашепский был филолог и специальностью своей позднее избрал классическую филологию.

Из его научных статей, посвященных вопросам классической филологии, бесспорно, лучшей является статья «Античная трагедия», продиссланная первому тому переволов Эвринида.*

„Театр Эвринида“. Полный стихотворный перевод греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем. СПБ. 1906.

Не останавливаясь долго над темным и трудным вопросом о происхождении греческой драмы и упомянув только вскользь об изначальной обрядовой и единственной позиции фракийцев и пелопоннесцев в связи с культом Диониса и Адраста, Анненский прямо переходит к анализу трагедий и здесь дает бесподобную по ясности и выпуклости сравнительную характеристику творчества трех корифеев греческой драмы.

Эсхил — Софокл — Эврипид — вот три последовательных этапа в развитии трагического пафоса; три ярких поэтических светила, проекцией которых служит вся последующая европейская драма вплоть до наших дней, — и Анненский в свойственном ему слегка восторженном, слегка туманном, но неизменно изящном и увлекательном стиле смело разворачивает перед читателем всю сложную художественную эволюцию в изображении характеров трагических героев от тени Дария в «Персах» Эсхила до Софокловской Антигоны и Эврипидовской Андромахи.

В том, как мастерски сопоставляет он характеры героев в порядке возрастания их психологической сложности, в том, как уме-

ло раскрывает перед читателем постепенный переход от отвлеченного идеализма неподвижных Эсхиловых героев — носителей чистых идей, к абсолютной гармоничности и этичности действенных образов Софокла, а отсюда к многотонности и многогранности жизненных и глубоко реальных характеров Эврипида — во всем этом сказалась его блестящая способность к художественным обобщениям, его постоянная склонность подводить итоги в круглых цифрах.

Весьма своеобразно оценивает И. Анненский воспитательное значение трагедии эллинской жизни. Греческий театр рассматривается им как университет античного мира *Sui generis*, где драма явилась как бы рассадником высших этических интересов. «Драма стала символом высшего образования греческих, когда Гомер сделался уделом школьников». («Ант. траг.», стр. 38).

В ходе развития этического воздействия трагедии, корни которого лежали в условиях времени и среды, Анненский различает два крайних по времени момента: **этика-богословский** или эсхиловский, совпадающий с живой верой современников в личных богов

Хор из которого рождается антическая драма и который поглощает у Эсхила действие, являясь ядром трагедии — этот хор у Софокла становится нейтральной частью драмы, у Эврипипда теряет окончательно свое действенное значение и у Агафона скатывается безвозвратно на роль простой музыкальной за-термедини.

Трудно согласиться с таким утверждением. Можно ли назвать нейтральной частью драмы хор хотя бы в «Царе Эдипе» и в «Трахинянках» (которым традиция даже присала название по хору)? Можно ли считать его лишенным драматического движения? Здесь перед нами обычная для Ашнезского смелость обобщения, где детали умышленно затерты в интересах стройности целого; здесь такой же рискованный вывод как немного раньше сделанное определение задачи будущей после Эврипипда поэзии, как «художественного синтеза двух пафосов: холодного, мистического ужаса Эсхила и горячего, жгучего пафоса Эврипипда («Ант. траг.», стр. 27).

Поистине блестящее характеризует Ашнезский разыскания языка и стиля трагедии. Е

ли у Эсхила малют носит печать идеально-го величия, а монологи проникнуты «мрачным пылом», если речи героев Софокла исполнены спокойного достоинства и сдержанной страсти и так непохожи на речи жителей будней, то стиль Эврипида, составляющий «один из главных источников долгого, может быть вечного обаяния слого поэзии», велик именно своей близостью к повседневной жизни. Герои Эврипида говорили обыденными словами, но слова эти очаровывали афинян, и тайна очарования их лежала в том богатстве оттенков и в той тонкости в разграничениях, которых не могла дать действительно обыденная речь. Анненский делает меткое сравнение между языком Эсхила и Эврипида, сводя различие между первым и вторым к различию между «Анчаром» Пушкина и «Валориком» Лермонтова.

Любопытна в данной статье твердая уверенность Иннокентия Федоровича в возможности поднять современную ему драматическую поэзию путем внесения в нее оставшихся неиспользованными элементов античной трагедии. Он ждет воз-

* Стр. 40.

рождения новой драмы в форме свободной художественной разработки сохранившихся мифов. Данные фрагменты представляются ему богатым материалом для новой творческой работы в области драмы.

II.

Главную славу Анненскому в среде специалистов филологов и в широкой читательской массе создал монументальный его труд — перевод всех 19 дошедших до нас трагедий Эврипида. Этим переводам покойный отдал все свои поэтические силы и все научные знания. Эти же переводы составляют и крупнейший вклад его в родную литературу и ставят его имя наряду не только с лучшими русскими переводчиками иностранных поэтов, но отводят ему известное место в среде самих русских поэтов.

Правда, не все трагедии переведены с одинаковым подъемом и тщательностью, так как внезапная смерть помешала Анненскому про-корректировать до конца свой труд; но и в настоящем своем виде, особенно, если принять все филологические поправки, сделанные опытной рукой Ф. Ф. Зелинского

последнем их издании, * они представляют поэтическую ценность настолько высокую, что их первое появление на книжном рынке в свое время должно было считаться выдающимся событием в литературной жизни последних десятилетий — событием, не уступавшим по своему значению выходу в свет Илиады в переводе Гнедича.

Почему Анненский из всех поэтов Эллады избрал Эврипида? Конечно, не потому только, что Эврипида сохранился сравнительно лучше других, и не потому, что до сих пор мы не имели полного хорошего перевода всех его трагедий. Косвенный ответ на этот вопрос мы находим в его замечательной статье «Трагическая Медея», приложенной к трагедии того же имени. «Я люблю в Эврипиде — говорит он — небрежность и причуды, в которых так часто блещет гений». И вот эта причудливость трагических образов Эврипида, их душевная надрыв-

* „Театр Эврипида“ пер. с введениями и послесловиями Анненского под ред. и с комментарием Ф. Ф. Зелинского, М. Изд. Сабашниковых, Том I. 1916. Том II. 1917.

ность, их первозданная торжественность и в то же время их безыскусственность, их понятность, их близость к реальной жизни, резко отличающая их и от абстрактных богов Эсхила и от гармонических полубогов Софокла, не могли не привлечь Анненского. Герои Эврипида были просто близки его поэтическому восприятию жизни, потому что он принадлежал к числу тех исследователей античной старины, которые все ее явления и факты воспринимают в обстановке собственной современности, а трудно было бы мыслить героев Эсхила и Софокла перенесенными в условия нашей жизни.

Анненскому важны были доступные нашему восприятию и совпадающие с нашими представлениями художественные детали; последние же ближе нам и понятнее у Эврипида, чем у его предшественников.

Кроме художественного реализма, Анненского привлекала в Эврипиде еще и другая творческая особенность — абсолютный трагический пафос — тот пафос, который у Эсхила и Софокла составлял лишь один из художественных элементов драмы, но у Эв-

р意义上 сделаны целью и содержанием трагедии. «Трагедии Эврипида, — говорит он в разобранной выше статье о театре, — представляются мне иногда звеньями какой-то одной гигантской драмы человечества; эти скованные гениальным мастером звенья распались, и робкий ученик приделал к ним начала и концы, чтобы дать им обличье самостоятельных трагедий». (Стр. 46).

Вообще вся поэзия Эврипида в ее целом глубоко очаровывала Анненского еще и потому, что она несет на себе яркий отпечаток индивидуальности поэта, столь, можно сказать, конгенициальной самому переводчику.

Каковы достоинства и недостатки этих переводов?

С текстом переводчик обращается весьма свободно, и в своей заботе о верной передаче лишь общего смысла переводимого места иногда доходит до границы, где вольность перевода своей вербальной отдаленностью от оригинала грозит как раз перейти в изменения и самого смысла места. Стоит, для примера, сличить с издатчиком несколько

первых попавшихся фраз из любой трагедии, чтобы убедиться в этом. *

Довольно многочисленные погрешности против оригинала, указанные и исправленные Ф. Ф. Зелинским, едва ли могут быть отнесены за счет новорно понятого текста

* Я беру как раз места без разнотений в рукописях. Например, в трагедии «Лицемерный Геракл» ст. 36—39 переведены Анищенским так:

Амфитрион.

Да, человек в несчастьи—точно в школе,
и если только каплю состраданья
к кому пусешь ты, так не желай
ему познать подсокру дружбу в горе и т. д.
Влияний прозодический перевод тех же стихов:
«Бот какое самое беззапоюочное доказательство
дружбы (даст)
Неудача; последняя же да не постынет
никогда, никого, кто
Хоть немного (πεσος) расположен ко мне.
Или в том же трагедии ст. 138—149.

Ликон.

Амфитрион и ты, жена Геракла!
Как господин, я требую от вас—
И, кажется, я вправе это сделать:
Я требую, чтоб вы сказали мне,
Чего вы ждете здесь? Зачем влечите
У алтаря безрадостную жизнь? и т. д.
Дословный перевод:

Раз мне нужно, я спрашиваю отца и супругу,
так как я состою вашим господином, то
вы должны рассказать то, что я хочу.

До какого времени
собираетесь вы протянуть вашу жизнь? и т. д.
Таких примеров можно было бы привести очень
много.

или недостаточно тщательного критического аппарата.* / Нет сомнения, что в иных случаях переводчик сознательно уклонялся от текста, считая «столь же несущественным связывать область творчества с филологическими проблемами, как и отбросить научное исследование поэтической формой» («Античная трагедия», стр. 47). Свободное обращение с оригиналом, переходящее иногда в индивидуальную поэтическую переработку текста, подсказывалось переводчику стремлением к модернизации. Если не считать тех ошибок против подлинника, которые были допущены просто по недосмотру, так как

---

* Трудно было бы допустить возможность неумышленных ошибок в переводе таких мест, как ст. 1—36 в «Гераклидах».

Перевод Анаенского:

«Додумался давно я до сознанья.

Что ближние для справедливых только

Одних и существуют...

Дословный перевод:

«Давно уже я решил вот то, что

справедливый муж рожден для близких.

Такой перевод вызывает просто недоверие, да он и грамматически недопустим.

Можно сослаться еще на ряд других ошибок в том же роде. Ср. ст. 101—105, 852—857 и многие другие.

значительная часть переводов оказалась еще непроверенной и не готовой к изданию в момент смерти переводчика, то, как это видно из сличения с оригиналами мест, указанных проф. Зелинским *, Аиненский умышленно позволял себе иногда переделку текста и изменение его смысла. Делал он это или в видах лучшего приспособления Эврипида к понятиям нашей современности, или же скорее из желания придать переведимому месту большую, по его мнению, яркость и глубину.

В своем стремлении сохранить в переводе те скрытые художественные импульсы подлинника, которые оказались бы способными вызвать в русском читателе те же эмоции, какие трагедия вызывала в современниках Эврипида, Аиненский иногда выходил в крайность и далеко переступал за черту возможного сближения со смыслом оригинала, попадая в область рискованной индивидуализации текста и субъективного

---

* К сожалению, я лишен в данный момент возможности лично сверить перевод с оригиналом в том его издании, которое переводчик взял в основание своего труда. Аиненский пользовался изданиями Вильямовича-Меллендорфа и Марри.

домысла. Эврипид как бы дважды проходился в художественном сознании перевода чиба: в призме его собственной поэтической индивидуальности и в призме получасительского мотивизирования античности. Может быть именно этот процесс двойного прослеживания, в результате которого Аппонский, стремясь пропихнуться классическим мифопониманием, только окрашивал античность в свой индивидуальный цвет, и привел его естественным путем к созданию собственных трагедий, столь близких по стилю и композиции к Эврипидовским.

Судя по немногочисленным выноскам и по обяснительным статьям, которыми снабжены все трагедии переводчик, несомненно, обдумывал с большой тщательностью сомнительные места в тексте, сличая их с лучшими изданиями Эврипила и даже создавая собственные, порой блестящие концептуры, свидетельствующие и о прекрасном знании языка и о большой начитанности в греческих авторах. Это обстоятельство только подтверждает высказанную мною выше мысль, что большинство погрешностей против оригинала должно быть отнесено на

счет чисто художественных мотивов переводчика, но никак не на счет слабой критики текста или недостаточного знания языка.

Как и следовало ожидать, больше всего вольностей Аиненский допустил при переводе хорических партий, но зато они особенно хороши. Пусть некоторые из них и производят впечатление собственных поэтических опытов переводчика с обработкой под Эврипода, зато здесь тонкое знание греческой метрики, изумительная способность воспроизводить настроение оригинала и в то же время великое умение облечь мысль подлинника в яркую поэтическую форму. *

* Для примера можно было бы привести любую партию хора. Укажем на ст. 121 сл. в трагедии «Ипполита» (хор трезиянок).

Строфа 1:

Холодна и чиста и светла
От волны океана скала;
Там поток, убегая с вершины,
И купает и поит кувшинки.
Там скрывающие покровы
Раны-рано дева мыла,
На хребет скалы суровый.
Что лучами опалило.
Для утех для багровой,
Расстилая, их сушила:
О парице вестью новой
Нас она остановила и т. д.

Как я уже говорил в начале главы, не все трагедии переведены Анненским с одинаковым достоинством. К числу лучших надо отнести перевод «Медеи», «Иона», «Геракла», «Ипполита» и «Алькестиды».

Некоторые трагедии, в том числе «Гераклиды», оказались переведенными только отдельными частями, и редактор переводов Анненского, Ф. Ф. Зелинский довел их до конца — я не решаюсь сказать, к выгоде ли для славы Анненского или в ущерб ее, — но во всяком случае к выгоде Эврипида и его читателей.

Все мало-мальски заметные промахи, допущенные Анненским как в отношении языка и критики текста, так и в самом tolковании бытовых, историко-литературных и философско-религиозных сторон трагедий, тщательно устраниены Ф. Ф. Зелинским, и в своем настоящем исправленном издании перевод Эврипида безукоризнен. Все, что смог-

Дословный перевод: Лежит одна скала, точа воду океана, устремляя с крутизны к кувшинам почерпнутую текущую влагу. Там мне встретилась одна дева; подошла пурпурные ткани в речной воде, он расстилала их на хребте горячей, освещенной солнцем скалы. Вот от нее ко мне пришла первая весть и т. д.

ла сделать наука для точной передачи формы, слов и мыслей подлинника, и все, что могла сделать поэзия для проникновения в патетическую природу античной трагедии и для воссоздания ее истинных настроений, сделано усилиями этих двух талантливейших знатоков и поклонников древне-греческой поэзии.

III.

Теперь подведем итог всему сказанному. Итак, что же сделал для классической филологии Анненский? Обогатил ли он литературу об Эврипиде новыми данными и оригинальным толкованием его творчества, интерпретацией темных мест, приемлемой для большинства филологов? Содействовал ли он своей критической обработкой текста лучшему пониманию Эврипика?

На все эти вопросы приходится дать почти отрицательный ответ.

В чисто филологической части своих работ Анненский находился под сильным влиянием Виламовица-Меллондорфа, и в критике текста почти не проявил самостоятельности, полагаясь на авторитет названного излаторя, хотя, носоминно, в деле крити-

ческого аппарата он мог сказать много ценного и нового: для этого у него было вполне достаточное знание языка и античности.

Но Анненский не гонялся за лаврами ученого. Правда, в области историко-литературных исследований, там, где ему приходилось исходить не из данных языка, а из готового обработанного бытового и историко-культурного материала, он и создал ряд в высшей степени ценных, новых обобщений и выводов, составивших содержание его блестящих обяснительных к трагедиям статей. Но в чистую филологию он почти ничего не внес нового.

Его переводы, после устранения Ф. Ф. Зелинским всех филологических промахов, являются все же весьма ценным литературным сокровищем, в котором русский читатель узнает Эврипида и притом в действительно поэтическом переводе.

ЛМ 833

194/	24
Ант	
Вид	

Сдано в производство - 21/X-10 г.
Разрешено к печати - 17/xII-10 г.
Количество печатн. знаков - 29928
Количество печатн. листов - $\frac{3}{4}$
Колич. учетно-изд. листов - 0,35

ФГ 6518. Сг. 364 А-6. Тип. „Дж. Интернационал“
Баку ул. Саратовца Ефимова, 19.
Заказ № 3346. Тираж 300.